

**«ДА-ДА, Я ВАС ПОМНЮ,
ВЫ ЖЕ У НАС НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ!»
ДИСКУРСИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ**

«Путинята там и тут...» Векторы современной семейной политики

Как известно, в 1990-е гг. в России исследователи, изучавшие процессы трансформации семьи, пошли двумя путями в предположениях о состоянии этого института и дальнейших тенденциях его развития. В самом общем виде эти два академических направления обычно называют модернизацией или кризисом семьи. Один — аналитический — подход указывал на диверсификацию семейных форм и стратегий в терминах модернизации, подчеркивая при этом роль целого комплекса обстоятельств, создающих трудности для семьи, вызванные экономическим спадом, безработицей, сокращением государственной поддержки, уменьшением возможностей дошкольного воспитания в учреждениях, конфликты в семье, а также так называемые социальные болезни, включая алкоголизацию и наркотизацию.

Проблемы репродукции и национализма переплелись в другом — алармистском, кризисном — дискурсе семьи о катастрофе и вымирании русской нации (см. подробнее [7]). Этот весьма консервативный фланг объединил ученых и публичных деятелей, фактически обвинявших женщин и либеральную политику (в том числе и такие меры, как сексуальное просвещение, планирование семьи, формирование контрацептивной культуры) в вырождении нации. Постсоветская (как и позднесоветская) публичная сфера была наполнена риторикой гегемонического пронатализма [25], т. е. выражением озабоченности и тревоги по поводу численности и качества русской нации, апокалипсическими образами надвигающейся катастрофы, метафорами геноцида русского народа, имплицитно и эксплицитно обнаруживала дискурсивные связи между (пост)советской репродуктивной политикой и национализмом [17, с. 267].

Подобные дискурсивные разногласия не ограничены лишь рамками научной или популярной литературы; они сопутствуют процессам обновления социальной политики и соответствующего законодательства, учреждения и расширения сети социальных служб, обсуждению методов социальной работы с семьей и детьми. Признавая, что в условиях современного общества нужна новая система социальных институтов поддержки семьи и родительства, авторы учебных пособий, официальных документов и публичные ораторы производят тексты, в которых звучат отнюдь не только чисто прагматические, инструментальные ноты. Как показывает анализ [23], эти сообщения не свободны от идеологии, и в них мы находим подчас откровенно патриархатные, дискриминационные заявления.

Целенаправленное воздействие государственной политики на семью, подвергавшее семейные структуры и формы семейных отношений серьезным модификациям, началось еще на ранних этапах советской истории [15]. Но сам термин «семейная политика» появился в конце 80-х, а в 90-е уже были оформлены концептуальные аргументы эксплицитной государственной стратегии в отношении семьи. Первые версии концепций семейной политики разрабатывались в 1991 и 1993 гг. В 1996 г. вышел Указ Президента Б. Ельцина «Об основных направлениях государственной семейной политики». Главной его целью было обеспечение условий, необходимых для реализации семьей ее функций и улучшения качества жизни семьи. Спустя шесть лет данный текст с небольшими

изменениями был еще раз утвержден Указом Президента В. Путина [10]. Декларируемые приоритеты — экономическая поддержка, сочетание семейных и трудовых обязанностей, улучшение системы услуг дошкольного воспитания и здравоохранения — направлены на такие инструментально-прагматические акценты, как баланс гендерных ролей и повышение мотивации к рождению детей.

Отметим, что официальная риторика семейной политики сочетает элементы либеральной и социально-демократической моделей [21]. С одной стороны, акцент делается на гендерном равенстве и универсальной доступности поддержки и услуг. С другой стороны, семья определяется как независимый и автономный субъект и приоритетное внимание уделяется малообеспеченным, социально уязвимым семьям. Либерализация семейной политики была, в частности, реализована в 2001 г. с так называемым законом о монетизации, в соответствии с которым пособия на детей оказались в юрисдикции региональных властей. Затем был принят вышеупомянутый президентский указ 2002 г. об основных направлениях семейной политики, где были введены несколько изменений, в частности артикулировалась возложенная на регионы задача — формирование своей собственной семейной политики и ее финансирование. Кроме этого, Указ В. Путина от 2003 г. «О мерах социальной поддержки многодетных семей» сделал акцент на таких либеральных политических мерах, как адресная помощь, проверка нуждаемости семей (т. е. фактически классификация их как достойных и недостойных), а также помощь с поиском работы и получением необходимой подготовки.

Изменения риторики семейной политики можно проследить на материалах президентских посланий с 1994 по 2009 г. Первый Президент России Б. Ельцин, начав проблематизировать семейные и демографические вопросы, по сути, заложил базу либеральной схемы еще в 1997 г., указав на неэффективность универсалистских монетарных трансфертов и предложив прямые жилищные субсидии для малообеспеченных семей. В его посланиях, но в более явном виде уже В. Путиным в 2000-е гг. сделан акцент на демографической политике (лейтмотив «выживание нации под угрозой» повторялся в 1994, 1999, а особенно в 2000, 2003, 2005 гг.). И все же это было не более чем декларированием проблемы до тех пор, пока в Послании Президента В. Путина 2006 г. не были подробно изложены причины демографического спада, среди которых на первое место вышел «женский фактор»: материальная зависимость женщины после рождения второго ребенка; ее неуверенность в завтрашнем дне в связи со страхами о будущем благополучии ребенка и др. С учетом этого был разработан целый комплекс пронаталистских мер поддержки молодых семей и стимулирования рождения второго ребенка, введенных в силу в 2007 г. Кроме того, существенный акцент был сделан на пропаганде: в Послании 2006 г. Путин объявил 2008-й Годом семьи в России. В Послании Президента Д. Медведева в 2009 г. озвучивались первые успехи и новые обещания: в частности, речь шла о том, что впервые за последние 15 лет в стране зафиксирован прирост населения на 1000 человек благодаря национальному проекту «Здоровье» и новой демографической политике.

Целый ряд мер поддержки материнства был реализован с 2007 г.; предполагалось, что они позволят увеличить рождаемость, поощрить желание семьи обзавестись вторым ребенком. Остановимся на одной из этих мер — материнском капитале. Материнский капитал — особая выплата, впервые упомянутая в Послании В. Путина в 2006 г. и введенная в 2007 г., которая предполагает выдачу сертификата стоимостью 250 тыс. рублей (с 2009 г. — 312 тыс. рублей) за рождение или усыновление второго ребенка, предназначенных для инвестиций в образование детей, улучшение жилищных условий и пенсионные накопления матери. В СМИ данная мера освещалась в целом позитивно, но общественное мнение, как показывают исследования, неоднозначно. И хотя респонденты опроса ФОМ 2007 г. в большинстве своем были озабочены низкой рождаемостью и проинформированы о материнском капитале, каждый третий опрошенный сомневался, что эта мера даст желаемый результат [1]. Люди недоумевают, почему материнский

капитал нельзя потратить на медицинское обслуживание и лечение ребенка, почему эта сумма выдается только через три года и только один раз в жизни. Некоторые считают это паллиативной мерой, полагая, что государство должно обеспечить бесплатное образование и бесплатное жилье. Другие придерживаются мнения, что предлагаемая сумма недостаточно серьезна, чтобы повлиять на смену их репродуктивных планов.

Между тем, что касается мер поддержки материнства в целом, согласно выводам экспертов [24, р. 55], Россия отвечает минимальным стандартам в соответствии с принятыми международными нормами и даже слегка превосходит их, в частности продолжительностью и, в некоторых случаях, размером поддержки материнства. Тем не менее остаются проблемы, вызовы, на которые семейная политика должна реагировать, — дефекты правоприменения трудового законодательства. Только за половину 2006 г. Федеральная трудовая инспекция зафиксировала около 1 млн случаев нарушения прав работников; беременные женщины не всегда берут декретный отпуск из-за низкого размера пособия и страха лишиться работы; неформальные экономические отношения, распространенные в России, исключают работников из схем социального страхования. По-прежнему мало доступным остается жилье. Несмотря на реализацию целого ряда проектов и программ федерального значения, направленных на расширение доступности жилья, каждая четвертая семья живет в плохих условиях. Средняя продолжительность ожидания улучшения жилищных условий составляет 15—20 лет [24].

Вернемся к ценностно-символическим аспектам новой пронаталистской политики. Как известно, 2008 г. был объявлен В. Путиным Годом семьи, и уже в 2006-м началась большая пропагандистская работа. Организовывались чествования юбилеев семейной жизни, семейные (творческие и спортивные) праздники, соревнования, конкурсы и акции, устраивались церемонии регистрации детей, вручались почетные дипломы родителям трех и более детей, медали «За заслуги в воспитании детей» и «Родившийся в Москве», был даже введен новый праздник — День семьи, любви и верности. Ульяновск прославился своим, пожалуй, самым оригинальным начинанием. Еще с 2005 г. по инициативе губернатора здесь начала действовать акция «Роди патриота в День России!» Суть ее состоит в том, чтобы родить ребенка в День независимости, 12 июня; в благодарность за это семья претендует на получение автомобиля УАЗ «Патриот». Соответственно 12 сентября объявляется Днем семейного общения (ульяновцы называют его Днем зачатия): в этот день губернатор рекомендует работодателям отпускать сотрудников домой, а торговым точкам запрещает продавать спиртное [19].

Символические средства нового пронатализма изобильны: производится много социальной рекламы, делающей акцент на числе 3 в модальности долженствования (нас должно стать больше) и ассоциациях с материальным достатком и этнонациональной идентичностью¹.

Примеры плакатов социальной рекламы

Вдохновившись таким вниманием правительства к российской семье, саратовская пенсионерка, топограф по образованию, И. Коннова выпустила на свои средства в 2009 г.

¹ См. например, коллекцию плакатов социальной рекламы на сайте Благотворительного фонда защиты семьи, материнства и детства (URL: http://semya.org.ru/pro-family/info_program/collection/index.html (дата обращения: 14.03.2010) (рис.).

сборник детских стихов, где она называет премьер-министра не иначе, как «дядя Путин», а поколение, родившееся при нем, «путинятами», правда, делая ставку не на трехдетную, а на двухдетную семью как политический ориентир [11]:

Нашей Родиной Россией	«Каждой маме по ребенку?!
Дядя Путин управлял.	Это мало!.. Надо двух!»
Быть стране великой, сильной —	И теперь в родной сторонке
Он однажды помечтал.	Появились детки вдруг.
Только как без ребятишек?	Много их... Они красивы.
Маловато их у нас!	Как цветочки, там и тут.
Прочитал он много книжек	Мальшей теперь в России
И издал стране приказ:	ПУТИНЯТАМИ зовут!!

В вариантах концепции семейной политики 1996 и 2002 гг. речь идет о множестве агентов поля семейной политики в терминах партнерства и разделения ответственности между семьей, государством, бизнесом и третьим сектором. При этом семейная политика определяется как часть политики социальной, следовательно, становится имплицитной, что дает основание экспертам выдвинуть в 2008 г. утверждение-требование о необходимости новой, эксплицитной концепции. В 2009 г. идет разработка следующего варианта государственной стратегии в отношении семьи как субъекта правовых отношений с государством, где, как полагает директор Государственного научно-исследовательского института семьи и воспитания С. В. Дармодехин, необходимо будет урегулировать отношения между семьей и государством, семьей и государственными институтами, семьей и системами здравоохранения, образования и др. [6]. В выступлениях экспертов подчеркивается роль социальных работников и государственной поддержки через фонды в выявлении «неблагополучных» семей и работе с ними, но при этом речь идет не о «затыкании дыр», не только о «вытаскивании» из кризиса «неблагополучных» семей. По мнению главы Департамента Минздравсоцподдержки О. В. Самариной, в последнее время наблюдается положительная тенденция государственной поддержки семей, стремящихся иметь детей и достойно их воспитывать. Кроме того, речь идет и о роли регионов в регулировании рождаемости. «Например, если федеральный центр дает материнский капитал на второго ребенка, регион должен думать, как со своей стороны стимулировать рождение третьего», — подчеркнула она. При этом глава Департамента призвала к индивидуальному подходу в каждом субъекте РФ, т. к. мнения о том, сколько детей должно быть в семье, например, у жителей южных регионов и средней полосы страны различны [5].

Напомним, что в публичных дебатах по поводу Послания Президента В. Путина 2006 г. звучали ноты против такого роста рождаемости, который приведет к «люмпенизации и исламизации» нации [17, с. 272]. Репродуктивные планы населения юга России становятся очевидными из ежегодных новостей о повышении уровня рождаемости в Чечне. Комментарии рисуют позитивную картину социальной стабилизации, установления мирной жизни, действенности мер социальной политики: «Высокий процент естественного прироста населения в Минздраве объясняют значительным улучшением социального благополучия граждан республики, а также тем, что пристальное внимание уделяется техническому оснащению больниц, укомплектованности их квалифицированными кадрами. По мнению врачей, значительную роль играет и вступивший в 2007 году в силу федеральный закон “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”» [22]. Но, подаваемые в сравнении с общероссийской демографической картиной и в контексте высокой скорости прироста населения, эти факты становятся аргументом политики избирательного фамилизма. «На протяжении всех последних лет, начиная с 2001 года, отмечается высокий рост рождаемости. За последние четыре года этот показатель в республике увеличился на 19,4 %. В 2009 году он составил 26,9 на 1000 человек, тогда как в среднем по России он не превышает 11,3» [16]. Количество детей в семье в среднем здесь равняется пяти, «в среднем по республике рождается около 200 детей в сутки» [22]. Мнение эксперта,

президента исследовательского центра «Политическая аналитика» М. Тульского о постоянной конфликтогенности социальной ситуации в Чечне представлено в аспекте необходимости контроля рождаемости: «...социально-экономическая и социально-демографическая ситуация тут же произведет на свет новых бандитов» [3], и название публикации «Искоренить бандитизм в Чечне можно презервативами» говорит само за себя.

Отметим, что на фоне высокой рождаемости и долголетия в Чечне регистрируется низкий уровень дохода, охвата образованием детей и молодежи, а также высокая безработица. Как указывают эксперты, по душевому ВРП (по паритету покупательной способности) Чечня занимает предпоследнее место и опережает только Ингушетию, как и по охвату образованием детей и молодежи, однако по ожидаемой продолжительности жизни занимает второе место в стране вслед за Ингушетией (впрочем, высока вероятность неточного статистического учета смертности, особенно младенческой, что приводит к завышению показателя ожидаемой продолжительности жизни) [18, с. 195].

По выводам исследователей, эффективность российской политики стимулирования рождаемости в долгосрочной перспективе будет невысокой «из-за недостаточной продуманности и сбалансированности предлагаемых мер и переоценки возможной действенности денежных инструментов — увеличение финансовых трансфертов в пользу семьи едва ли будет способно принципиальным образом улучшить компенсацию затрат на детей, особенно в условиях быстрого роста спроса на труд, в том числе и женский, а также повышения массовых потребительских стандартов» [18, с. 40]. Экономическая ситуация, являясь необходимым, но недостаточным условием репродуктивных планов партнеров, воспринимается населением как наиболее важный фактор повышения рождаемости, но успехи государственной семейной и демографической политики в повышении материального благосостояния семьи, а точнее, женщины-матери, оцениваются не столь однозначно. Усилия региональных властей в основном можно охарактеризовать как субсидиарные — ориентирующиеся на помощь отдельным категориям граждан, в качестве которых выделяются те группы женщин, которые, с одной стороны, испытывают экономическую депривацию, а с другой — подходят под нормативную модель традиционной гендерной системы, выполняя функцию материнства: многодетные, одинокие матери, матери детей-инвалидов, беременные, кормящие. В контексте либерализации социальной политики с ее акцентом на адресность намечается рост социальных пособий и возврат к категориальным схемам, что обусловлено низким уровнем жизни наименее защищенных групп населения, к которым относятся многодетные и, в частности, монородительские многодетные семьи. Кроме того, данный вектор политики социального обеспечения подкрепляется ценностно-символическими ориентирами нового пронатализма.

«Разбивка подопечных по группам зависимости»: символические классификации семей в дискурсе социальной защиты

Повседневные знания, мнения, распространенные в обществе, часто перекликаются с публичными дискурсами или воспроизводят их. В 90-е гг. в обиходе социальных работников, чиновников и просто населения бытует выражение «неблагополучная семья» — стигма, которая не имеет четкого определения, но нередко подразумевает семейную структуру как один из критериев (следует отметить, что концепт «неблагополучная семья» использовался еще в советское время, см. [14]). Тем самым монородительские семьи и многодетные семьи по умолчанию считаются аморальными, несчастными и опасными для общества, с неадекватной ценностной системой и подозрительной сексуальностью. Особенно печально это видеть в категориях «институциональной речи» [20], в публикациях экспертов или устных заявлениях чиновников и специалистов учреждений. Так, статья психолога о «ценностных ориентациях неблагополучных семей» [2] категориально организована как дискурс диагноза и контроля. Определение человека

как клиента ведет к определению его свойств как подозрительных, и то, что по отношению к эксперту было бы нормальным, для клиента здесь — патология. Не любовь, а «направленность на секс», не служебный рост, а «погоня за карьерой», не общение с друзьями, а «контакты с себе подобными и скатывание в алкоголизм». Возникает и концепт «неблагополучных детей», которые, как и их матери, ассоциируются не только с низким экономическим статусом — им приписывается еще и низкий интеллект:

«Дети из бедных семей глупее своих богатых сверстников. Об этом заявили западные ученые, которые в течение нескольких лет изучали проблему влияния социальной среды на умственную деятельность человека <...> Российские нейропсихологи подтверждают данные исследователей <...> С этой точкой зрения согласны и педагоги, работающие с неблагополучными ребятами» [13].

Сомнение в компетентности материнства в сознании «повседневных экспертов» переплетено с оценками неразумной политики властей:

«Поверьте мне, женщина, которая обладает определенным интеллектом, никогда не станет рожать второго ребенка ради того, чтобы ей выплатили 250—260 тыс. рублей, которые сейчас планируют» (психолог женской консультации г. Саратова)².

Противоречия риторики повышения рождаемости и «неблагополучных семей» выражаются в амбивалентных целях российской семейной и демографической политики [4, с. 404]. С одной стороны, официальная риторика призывает иметь троих детей, с другой — концепт «многодетные семьи» устойчиво ассоциируется с «неблагополучием» или «трудной жизненной ситуацией». Задавая символическую рамку «семейного неблагополучия» на уровне официальной риторики, государственные акторы отдают расшифровку этого понятия на откуп региональных властей и исполнителей-практиков.

Надо сказать, что официальный дискурс социальной защиты наполнен ценностно-символическими ориентирами, которые далеко не всегда подкреплены инструментальными определениями, в частности, пресловутое «семейное неблагополучие» нигде в нормативных документах не определено, тексты составлены из безличных и назывных предложений, перечислений так называемых цифр и фактов, нередко в отсутствие не только аналитических комментариев, но и сравнительного контекста. На региональном уровне это усугубляется стремлением исполнителей соответствовать официальным образцам (риторические приемы, композиция текста отражают те же «отсутствующие структуры», отчеты социальных служб и доклады о положении социально уязвимых групп населения наполнены информацией о численности «обслуженных» или «облеченных», количестве выданных наборов или объемах выплаченных пособий), во-первых, без какого-либо соотнесения с потребностями целевых групп, а во-вторых, без анализа эффектов от такого рода услуг. Фразеология эффективной профессиональной работы содержит риторический прием, который можно назвать «детализация вне контекста»: «это позволило увеличить на 19 % количество услуг», «оказано 16 304 ед. услуг».

Прагматика социальной защиты вызывает к жизни попытку истолкования или расшифровки заявляемых понятий. Например, «семейное неблагополучие» авторы проекта региональной концепции социального обслуживания постарались определить как следствие «утраты родственных связей и преемственности поколений». В других случаях понятие «неблагополучные семьи», по выводам наших исследований и А.-М. Исола, расшифровывается весьма многообразно: сюда относятся семьи многодетные, неполные, находящиеся в трудной жизненной ситуации/социально опасном положении, семьи с ребенком-инвалидом или хронически больным ребенком, малообеспеченные, проблемные, кризисные... Иногда «неблагополучные семьи» занимают отдельное место в большом перечне «подопечных». В 2009 г. в выступлении высокопоставленного чиновника одного из регионов, отвечающего за социальную защиту, прозвучала и такая классификация адресатов помощи: «Обслуживаемые подопечные у нас — это

² Интервью брала аспирантка СГТУ Н. Грек, Саратов, 2009 г.

малообеспеченные, неполные, многодетные, семьи с детьми-инвалидами, беженцы и вынужденные переселенцы, а также неблагополучные семьи». На мой вопрос «А что такое “неблагополучные семьи?”» последовал ответ: «Это те, с которыми ведется большая социальная работа».

Тем самым возникает широкое поле допущений и толкований, большая часть которых доходит до уровня повседневных акторов — социальных работников, педагогов, психологов детских учреждений — в виде упрощенных, но не всегда четко проговариваемых формул:

«Вот недавно прихожу в школу, говорю: “Я — Миши Р. мама”, а мне учительница: “Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья”. Я так прямо и опешила...» (одинокая мать, 34 г.)³.

На уровне организаций, в особых условиях повседневной деятельности формируется профессиональный социолект работников социальных служб. Время от времени в социальных службах появляются новые термины для обозначения клиентов, например «подопечные», «зависимые», «миграционные семьи», «соповские семьи» (корень — аббревиатура СОП, социально опасное положение⁴).

Интересно следующее. Устроив в своем учреждении «банк одежды», где клиенты могут подобрать что-то из вещей для себя и своих детей, социальные работники вскоре пришли к выводу об иждивенческих установках некоторых «соповских семей». Стигма семьи, таким образом, конструируется самой системой социальной поддержки.

В устных высказываниях и публикациях специалистов нередко проявляется их нечувствительность к некорректным формулировкам, в частности при обращении к детям, к родителям, при составлении анкет. *«Я запустила анкетку для родителей по жестокому обращению с детьми»*, — говорит в интервью социальный педагог, и этот микс современной лексики, принятой в международном сообществе («жестокое обращение с детьми»), и небрежного, поверхностного выражения («запустить анкетку») заставляет усомниться в корректности обращения с методами (анкетирование родителей в случае подобной сенситивной тематики может быть совершенно неуместным). А вот какую «карту по изучению развития ребенка» предлагает заполнять родителям социальный педагог одного из учреждений⁵:

1. Ф. И.О. ребенка: _____
2. Дата рождения: _____
3. Семья: малообеспеченная, неполная, благополучная, неблагополучная.

Стигма действует таким образом, что человек свыкается с приписываемой ему категорией и действительно может «подчеркнуть нужное» в представленном списке номинаций, поместив себя в ячейку классификации:

«Привыкла уже, везде нам говорят: “неполная” семья. Один раз вообще неполноценной назвали. Или там “мать-одиночка”. Так неприятно это слышать, какой-то ущербной себя сразу чувствуешь, действительно неполноценной...» (многодетная мать, 39 лет).

Семья воспринимается специалистами как объект педагогических, медицинских воздействий и контроля: «здоровые», «нормальные» и «обычные» противопоставляются «неблагополучным». Средства массовой информации транслируют меры в духе евгеники, обнародуя (приписанные) высказывания публичных фигур. Так, певица Валерия, как

³ Интервью брала магистр социальной работы Е. Нестеренко, Саратов, 2009 г.

⁴ Социально опасное положение определяется как обстановка, не отвечающая требованиям к воспитанию или содержанию, или же статус опасности, которую представляет сам несовершеннолетний для окружающих. Соответственно семья, имеющая таких детей или взрослых, отрицательно влияющих на детей, определяется как находящаяся в социально опасном положении [10].

⁵ Из материалов проекта «Распространение и поддержка семейных форм устройства» НИСП, ЦСПГИ, 2007 г. и исследовательского архива Я. Нелюбовой, Саратов, 2008—2009 гг.

явствует из публикации в Интернете, якобы предложила стерилизовать неблагополучных родительниц, а ее продюсер И. Пригожин предлагал медийный бизнес-проект: показывать нерадивых родителей по ТВ и публиковать данные о них в газетах, «чтобы все знали, какие они негодяи» [12].

С одной стороны, распространен стереотип, что многодетные семьи передают бедность из поколения в поколение: лейтмотив «нищету плодят» в репликах чиновников или социальных работников болезненно задевает матерей (по данным наших интервью в Саратове и Ростовской области 2004 и 2007 гг., см. [7]). А опасение в связи с «люмпенизацией нации» озвучивалось в СМИ сразу после Послания Президента В. Путина в 2006 г. [17].

С другой стороны, некоторые социальные службы, озабоченные демографическим спадом, начали свою собственную маленькую кампанию: врачи и социальные работники агитируют «благополучные» семьи рожать, от чистого сердца стараясь внести посильную лепту в решение такой важной государственной проблемы, как необходимость «нацию повышать». Размышляя о том, что можно сделать для повышения уровня рождаемости, специалисты видят свою задачу в уговаривании людей:

«У нас и врачи работают, и наше отделение работает с разъяснением, что надо нацию-то повышать. Как разъясняют? Очень просто <...> если мы знаем, что семья благополучная и может еще иметь ребенка, — уговариваем-ходим: “Почему больше не рожаете, почему у вас один ребенок? Вы в состоянии иметь еще одного ребенка”. Это были у нас такие разговоры с молодыми девушками, которых мы знаем. Целенаправленно разговариваем...»⁶

В выступлениях представителей религиозных кругов, которые все более интенсивно задействуют медицинский дискурс, звучат призывы к решению демографической проблемы по принципу: «Если сами воспитать не можете, отдайте в детдом, — государство воспитает»⁷. Созвучная общему политическому курсу риторика региональных чиновников разворачивается в направлении реставрации традиционной семьи и патриархальных ценностей:

«В решении демографической проблемы много факторов. Например, положение женщины в обществе. Ведь сегодня ее оценивают по тому, каких успехов она достигла на работе, в общественной жизни. А нужно — по тому, каких детей она родила и вместе с мужем воспитала, ведь женщина в первую очередь мать и супруга. <...> Основная задача человека, предначертанная ему природой и Богом, — не просто погостить на Земле, а воспроизвести себе подобных, подготовить их к дальнейшей жизни. <...> Другая проблема, ведущая к рождению больных детей, — беспорядочные половые связи. Даже если ребенок не пострадает от инфекций, передаваемых половым путем, у женщины, сменившей несколько партнеров, он почти наверняка родится больным...» [8].

На повестке дня — новые приоритеты, связанные с национальной демографической политикой. Если в двух вариантах национального плана по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе, как и в их региональных разновидностях, звучала идеология гендерного равенства, то сегодня в риторике региональных чиновников расставлены неотрадиционалистские акценты: происходит идеализация и пропаганда традиционной семьи и патриархальных гендерных отношений, многодетности и запрета аборт, при этом спад рождаемости объясняется экономической и политической эмансипацией женщин, а общественные функции семьи сводятся к репродукции. И хотя политическим ориентиром выступает многодетная семья, при этом непроговариваемой нормой остается полная семья с одним ребенком, максимум с двумя детьми, а другие формации проблематизируются.

---

⁶ Из интервью с администратором социальной службы в малом городе, 2004 г.

⁷ Выступление представителя Саратовской епархии в передаче «Вечерний звон» ГТРК «Саратов» от 20 февраля 2005 г.

Официальная риторика о гендерном равенстве входит в противоречие с пропагандой традиционных семейных ценностей и общим креном официальной публичной сферы в консервативном направлении. Ценностно-символическое пространство новой семейной политики наполняется классовыми пронаталистскими и националистическими идеологиями, а в некоторых публикациях осуществляется дискурсивное конструирование нежелательных государству детей. В контексте антикризисных стремлений чиновников улучшить социальное обслуживание за те же или даже уменьшенные бюджетные расходы использование таких жаргонизмов, как «неблагополучные семьи», отражает стремление рационализировать расходы и реализовать символическую власть классификаций, упрощающую восприятие социального неравенства. Распространенное понимание бедности, разделяемое некоторыми политиками и социальными работниками, стремится «обвинять жертву», возлагая на индивидов ответственность за те проблемы, которые имеют социетальное происхождение, игнорируют важные социальные условия и те испытания, с которыми сталкиваются люди в реальных жизненных ситуациях. Постепенно такой язык легитимируется в публикациях и проникает в официальный дискурс чиновников, подобно аналогичной инфильтрации других социолектов, в том числе профессиональных.

Библиографический список

1. *Вовк Е.* Отношение россиян к «материнскому капиталу»: фрагменты мозаики // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 3—35.
2. *Елизаров А. Н.* Ценностные ориентации неблагополучных семей // СОЦИС. 1995. № 7. С. 93—99.
3. Искоренить бандитизм в Чечне можно презервативами. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/07/29/659211.html> (дата обращения: 14.03.2010).
4. *Исола А.-М.* Неблагополучные семьи: риторика российской демографической политики // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 404—426.
5. ИТАР-ТАСС, 29.12.2008. URL: <http://www.ami-tass.ru/article/44000.html> (дата обращения: 14.03.2010).
6. Концепция семейной политики поможет решить демографическую проблему в России, 22.04.2008. URL: <http://www.regnum.ru/news/990183.html> (дата обращения: 14.03.2010).
7. *Ловцова Н. И., Ярская-Смирнова Е. Р.* Демографическая проблема: кто виноват и что делать? // Мир России. 2005. № 4. С. 78—104.
8. «Национальный проект — не кампания, а реальная работа»: интервью первого заместителя министра здравоохранения Саратовской области // Официальный сайт правительства Саратовской области, 12.02.2008. URL: http://www.saratov.gov.ru/news/interviews/detail.php?ID=23631&phrase_id=1204083 (дата обращения: 14.03.2010).
9. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. URL: http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd_text.php?code=61347 (дата обращения: 14.03.2010).
10. Об основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 5 октября 2002 г. № 1129. URL: <http://ombudsman-nao.ru/index.php?act=Page@!Id=45> (дата обращения: 14.03.2010).
11. От дедушки Ленина до дяди Степы // Обществ. мнение. 30.10.2009. URL: http://om.info/news/index.php?ELEMENT_ID=6472 (дата обращения: 14.03.2010).
12. «Певица Валерия предложила в Саратове стерилизовать неблагополучных матерей» // Новости Приволжья, 10.10.2009. URL: <http://susanin.udm.ru/news/2009/10/10/186792> (дата обращения: 14.03.2010).
13. *Поздняков А.* Бедный значит неумный. Плохие социально-экономические условия разрушают детский мозг // Новые известия, 16.10.2006. URL: <http://www.newizv.ru/news/2006-10-16/56101/> (дата обращения: 14.03.2010).

14. *Пухова З. П.* Женское движение и перестройка в СССР // Женщины в современном мире. М. : Наука, 1989. С. 58—63.
15. *Рабжаева М. В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // СОЦИС. 2004. № 6. С. 89—97.
16. Рождаемость в Чечне почти в 2,5 раза превышает среднероссийскую. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/11/17/689678.html> (дата обращения: 14.03.2010).
17. *Розенхольм А., Савкина И.* «Роди патриота — спаси Россию!»: (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В. В. Путина) // Гендер. исслед. № 18 (2009). С. 266—282.
18. Россия перед лицом демографических вызовов : доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2008. М. : UNDP, 2009. 208 с.
19. *Титов С.* День зачатия стал днем трезвости. Ульяновский губернатор выступил с новым почином // Коммерсантъ. 2008. № 153. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=1017156> (дата обращения: 14.03.2010).
20. *Уотсон Р.* Этнометодологический анализ текстов и чтения // Социол. журн. 2006. № 1/2. С. 91—128.
21. *Чернова Ж. В.* Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. 328 с.
22. Чечня — лидер по числу новорожденных среди северокавказских республик. URL: <http://www.rosbalt.ru/2008/02/07/454400.html>. (дата обращения: 14.03.2010).
23. *Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В.* Гендер и этничность в учебниках по социальной работе и социальной политике // СОЦИС. 2006. № 5. С. 117—126.
24. Demographic Policy in Russia: from Reflection to Action. М. : UNDP, 2008. 63 p.
25. *Rivkin-Fish M.* From «Demographic Crisis» to «Dying Nation»: the Politics of Language and Reproduction in Russia // Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture / Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. Northern Illinois : University Press, 2006. P. 151—173.